

В пятницу Виктор Матвеевич выехал на дачу позже обычного. Как старый и опытный дачник и водитель, он прекрасно знал, что если тронуться раньше шести вечера, то дороги из города во всех направлениях будут стоять в пробках. Даже сейчас движение на федеральной трассе было оживленное. Отъехав от города больше десятка километров, по ходу движения с правой стороны, он увидел на обочине дороги несколько стоящих машин и скопление людей. На аварию это не было похоже. На трассе не было разбитых машин, не было и других признаков аварии.

Припарковавшись за последней машиной, Виктор Матвеевич торопливым шагом подошел к стоящим на обочине людям. В центре стоящих водителей на земле лежала собака. Это была стареющая овчарка, серо-дикого выраженного окраса. Крови большой ни на собаке, ни вокруг не было видно. Но овчарка дышала очень тяжело. Из разговора водителей он понял, что собаку сбили совсем недавно, причем прямо на обочине. Звучали слова сожаления и крепкие выражения в адрес лихачей, что сбили ее. Конкретных действий и предложений ни от кого не поступало. Так продолжалось несколько минут.

— Ладно, мужики, хватит смотреть, не в цирке. Надо что-то делать, пока не поздно,— заговорил стоящий почти в центре молодой мужчина. Он снял с себя легкую ветровку синего цвета и расстелил ее рядом с овчаркой. Потом опустился перед ней на колени и стал осматривать. Через минуту поднял голову и спросил у водителей:

— Кто поможет, ребята?

Откликнулось сразу несколько человек. Собаку осторожно переложили на ветровку, подняли и понесли к машине, на которую указал мужчина.

Торопясь, задние дверки машины открыл мальчик, лет семи-восьми, вероятно сын водителя. Он ласково смотрел на собаку, осторожно к ней прикасался, пытался погладить овчарку.

— Ну что, мужики? Я назад в город. Попробую в ветлечебницу, может что-нибудь сделают,— сказал всем тихо мужчина. Он развернул машину, и она быстро стала удаляться в сторону города. Водители еще какое-то время не отходили от места, где только что лежала собака. Кто-то опять закурил, люди продолжали говорить о случившемся. И Гордееву показалось, что произошедшее событие объединило на короткое время людей, сплотило. Постепенно люди уходили к своим машинам и стали разъезжаться. Поехал и Виктор Матвеевич.

Заехав на дачу, он поставил машину под легкий летний навес.

Сразу прошел к скважине, включил насос, чтобы набрать воды в емкости для полива на утро. Были и еще планы на вечер. Но работа не заладилась сразу. Из головы все не выходила сбитая у дороги собака.

Он ходил в подавленном состоянии, к тому же становилось уже темно. Отключив насос, Виктор Матвеевич пошел в домик.

— Надо бы перекусить,— подумал он. Хотя и на это, если честно, у него тоже не было особого настроения. Он достал из прикроватной тумбочки початую бутылку водки, нарезал сыра. Уже потемну пошел и вырвал с гряды несколько головок лука вместе с пером. Помыв головки лука в свежей воде, пошел в домик. Налил полстакана водки, выпил, закусил сыром. Немного посидел, настроение не улучшалось.

Он вышел на участок, сел на скамейку у бани, закурил. Картина, увиденная там, на дороге, не уходила из памяти. Виктор Матвеевич курил и смотрел на звездное небо. Он и не заметил, как стал прикуривать уже вторую сигарету. Ему сейчас стало вспоминаться далекое детство и его любимая собака. Было это давно, был он тогда просто Витькой и сопливым пацаном.

Отец его, Матвей Гордеев, пришел с войны только осенью сорок шестого. Вернее не с войны, она-то закончилась. Вернулся из госпиталя, что в Иваново.

В своем последнем бою в марте 1945 года под озером Балатон, что в Венгрии, он получил несколько ранений и был контужен. Одно ранение очень серьезное — пуля прошла прямо под сердцем навывлет и серьезно разворотила спину. С этими ранениями он и провалился в госпиталях Подмосковья, во Владимире, Иванове. В родную Сибирь вернулся еще слабым, но на своих ногах, и это было огромным счастьем для истрадавшей семьи. Бабы на селе по-хорошему открыто завидовали Ольге.

Как же, вернулся муженек, все при нем, а остальное поправимо — подлечится, поправится.

Воздух-то родной обязательно пойдет на пользу. Понимала это Ольга, радовалась, иногда плакала. В тайне от Матвея часто молилась за мужа у иконки, что осталась от бабушки. И, правда, поправляться стал Матвей, лицом свежеть. Через какое-то время о работе стал поговаривать.

— Ну, что я, как развалюха какая, сидеть буду дома, да у тебя на шее,— говаривал он вечерами жене, которая к тому времени уже заметно «округлилась».

— Тем более, ты в таком положении. Старших поднимать надо, смотри, вон поизносились все. Да и растут ведь. Женихи-невесты скоро у ворот топтаться начнут.

Пыталась отговорить его жена,— что, мол, рано, слабый еще, ночами вон стонешь, мечешься. Раны не зажили, на спине и груди свищи открываются.

Но Матвей был непреклонен. Обнимая жену, улыбался и, шутя, говорил:

— Эх, мать, руки ноги целы, прорвемся! К тому же сама знаешь, кое-что могу и неплохо,— говорил Матвей и гладил Ольгу по выступающему животу.

На что улыбающаяся жена отвечала Матвею:

— Это дело нехитрое. А на работе-то как, сдюжишь? Ведь в полсилы не сможешь, характер не тот. А где ее найти работу-то таку, по твоему состоянию чтобы, где, скажи?

— Ладно, мать. Думать буду. Вон весна все же на подходе, воробьи и те копошатся, что-то делают, заботы у них. А что я-то клушкой старой сидеть буду со стариками по завалинкам. Не пойдет, не к лицу солдату, ведь сама все понимаешь!

И однажды апрельским утром Матвей ушел в колхозную контору к председателю и секретарю партийной организации. Те были в прокуренном небольшом кабинете председателя и что-то бурно обсуждали.

После крепких мужских рукопожатий Матвей Степанович сразу начал с дела.

— Негоже мне, мужики, с дедами самосад-то переводить, как-то уже все в тягость стало. Надо что-то подумать про меня. Найдите что-нибудь сподручное, по силам моим сегодняшним,— торопясь говорил Гордеев.— Да, рубаху на груди еще не рвану, не все ладно со здоровьем. Но что-то и смогу!

И он обратился к секретарю парторганизации Василию Дмитриевичу:

— Понимашь, Митрич, стыдно перед бабами, что всю войну тут за нас тянули. Стыдно как коммунисту без дела сидеть, когда кругом проблем столько. Твердо вот решил,— хватит жирок нагуливать. Тем более, сам знашь, с Ольгой приավления ждем.

— Только вот что, мужики. Бумажки мусолить и в кладовщики не сватайте, не пойду. Пусть там бабенки в интересном положении отсиживаются.

На что секретарь, немного помолчав, ответил:

— Все верно говоришь, Матвей Степанович, верно и правильно. И нам твоя помощь ой как сгодилась бы. Сам видишь, задыхаемся, народу-то нет. Ведь больше половины не возвратились друзей-то наших. Четверо уже дома от ран тяжелых прибрались.— Секретарь помолчал, потом вздохнув, продолжил: — А бабы-то за войну, ты прав, без нас тут все жилы вытянули. А молодежь-то, сам знаешь, не втянулась еще, слабовата. Прокорму-то шибко нет. Хотя, что ни говори — горят на работе, горят! — эмоционально закончил секретарь.

Тут в разговор вступил председатель Алексей Назарович, тоже фронтовик, с войны вернулся без левой руки.

— Матвей, Василий прав. Ты нам очень даже нужен. Ведь посевная на носу. Давай попробуем помощником бригадира по полеводству в первую бригаду на период сева. Лошаденку дадим. Будешь воду да харчишки подбрасывать. Контроль опять же, учет и так далее.

Председатель немного помолчал, потом сказал:

— Стыдно будет плохо-то работать, когда такой герой рядом будет да на пригляд встанет. Уважают тебя земляки. А уж молодняк-то и подавно. Не каждый приходит с войны при полной Славе. Что сказать, герой! Все мы тобой гордимся,— искренне и тепло закончил председатель. На что Гордеев, махнув рукой, воскликнул:

— Да ладно, мужики! Все мы герои, раз гадину ту раздавили. Особливо те, кто до гнезда того проклятого кровью своей землю и свою и чужую полил!

Ничего не сказали в ответ Матвею, как-то погрустневшие и сразу закутившие фронтовики.

На том с общего согласия и порешили. Домой Гордеев вернулся в приподнятом настроении, немного даже возбужденный.

В работу включился сразу с первых дней посевной. Вставал рано, приезжал поздно. Было видно, что нелегко ему даются эти ежедневные мотания по полям, пусть и в кошевке. Витька слышал сквозь сон иногда, как отец стонал, как мать уговаривала его отказаться от этой работы или хотя бы отлежаться день-два дома. На что Матвей тихо говорил:

— Неужто, мать, ты не видишь. Всем тяжело. И утром он снова уезжал на работу.

Однажды в конце июня, объехав некоторые участки озимой ржи, посмотрев в каком состоянии находятся поля, Матвей под вечер возвращался на лошади домой. Лошадь тоже притомилась за день, бежала не спеша. Впереди на проселочной дороге он заметил старушку. Она шла с ведром ягод. Поравнявшись, он узнал в старой женщине Елизавету Григорьевну, что во время войны прибыла в деревню с группой эвакуированных из под Гатчины, что в Ленинградской области. Говорят, что все ее родные погибли: сыновья, зять и муж на фронтах. А дочь с внуками потерялась где-то на просторах страны во время эвакуации из Белоруссии.

Матвей Степанович уважительно поприветствовал женщину:

— Что-то припозднилась, мать! Давно идешь, Григорьевна? Садись, подвезу.

На что женщина устало ответила:

— Спасибо, солдат. С превеликим удовольствием. А припозднилась, потому как сердце что-то сегодня подвело меня. В лес пошла вроде ничего было, а обратно иду — подводить стало.

В дороге они разговорились. Старая женщина поведала с большой радостью Матвею Степановичу о том, что нашли ее дочь и внуки, все живы, здоровы. Живут теперь в Ярославле, куда во время войны, после долгих скитаний, попали. И вот теперь она уезжает к ним на Волгу.

Матвей искренне порадовался счастью этой, повидавшей много горя на своем веку женщины. За разговорами не заметили, как доехали до деревни. Когда Матвей подвез Елизавету Григорьевну к старенькому домику, в который ее поселили во время войны, женщина, как бы извиняясь, сказала:

— Спасибо тебе, солдат. К сожалению, отблагодарить тебя нечем, скромно, очень скромно живу. — Она помолчала, и было видно, что хочет еще сказать что-то.

— Но вот подарок хочу тебе сделать. Я через неделю уезжаю. Возьми моего щенка себе. Накладно мне прокормить его да и в дорогу брать боюсь. А собачка хорошая. Прибилась ко мне месяц назад в райцентре, когда в военкомат да в исполком ездила за вестями о солдатах своих да о дочери. Вот так пешком и пришли сюда вдвоем. Мне с ней хорошо было, она ласковая. Вернее он. Кобелек это. Черный с бабочкой на груди. Такой франт. Гамлетом назвала. Возьми, солдат, не пожалеешь, — тепло закончила она.

Заслышав у дома голоса, за ограду выбежал щенок. Было ему на вид месяца четыре, но порода была видна сразу. Это была хорошая помесь дворняжки с овчаркой. Уже высокий на ногах, широкая грудь, украшенная белой бабочкой, стоящие уши и умный взгляд. Щенок смотрел на мужчину ласково, но гордо.

Матвею он сразу понравился. Подойдя, он погладил его.

— Ну что, дружок, пойдешь ко мне жить? Щенок поднял голову и посмотрел на Елизавету Григорьевну, как бы спрашивая женщину: «О чем это он?»

Григорьевна наклонилась к щенку и ласково погладила его по голове:

— Ступай, милый! Тебе у солдата будет хорошо. Там ребята, семья. А я одна. Да и поеду я, так что прощай! — И женщина отвернулась, стала вытирать набежавшие слезы. Ее одинокое сердце уже привыкло к этому ласковому существу.

Матвей Степанович тихо проговорил:

— Ну что ты, мать. Не рви себя. Все будет хорошо. А за щенка спасибо.

— Спасибо тебе и за слово доброе!

— Как соберешься, дай знать. Поможем, чем можем. — Он некоторое время помолчал. Потом весело скомандовал щенку:

— Ну что, друг, по коням!

Подойдя к кошевке, он сказал:

— Прошу! — И указал щенку, куда следует сесть.

Тот отошел от Елизаветы Григорьевны, оглянулся на нее, словно ждал и ее команды. Постоял некоторое время, потом резко с разбегу прыгнул в кошевку. Матвей, попрощавшись с женщиной, зашел с обратной стороны, чтобы не тревожить щенка, сел на свое место и весело обратился к нему:

— Ну что, домой, парень!

Виктор Матвеевич и сейчас помнит, сколько тогда было радости у всех в семье, когда они увидели в кошевке у отца, захавшего за ограду, этого красивого щенка. Во двор высыпала вся ребятня, вышла и Ольга. Дети стали, перебивая друг друга, спрашивать:

— Папа, это теперь наша собачка? Ты ее привез насовсем? Где ты взял такого песика?

С вопросом обратилась и Ольга:

— Правда, Матвей, не томи детей, откуда щенок?

Отец тогда коротко объяснил всем домашним, откуда взял щенка. Сказал, что Елизавета Григорьевна уже кличет его Гамлетом.

Щенок все это время сидел в кошевке, как будто ждал своей участи. Ольга безбоязненно подошла и ласково погладила щенка:

— Гамлет! Слово какое-то не наше, — сказала, потом тихо продолжила: — Красивый. Черный, как грач весенний. Ну и пусть у нас Чернышом будет.

На что Матвей весело отозвался:

— А что, соответствует. Как, ребята, согласны? Давайте Чернышом и будем звать. Он подошел к щенку, взял его на руки и передал Витьке, который стоял рядом.

Прошло уже столько времени, а Виктор Матвеевич помнит, как билось тогда сердце щенка, когда парнишка прижимал его к себе. Вот так и появился в их семье Черныш, который стал всеобщим любимцем.

С первых дней Черныш не расставался с отцом, всюду был с ним. Отец днями ездил по бригадам, полям. Иногда отец брал ребятишек и собаку, и они ехали на озеро ставить сети. Пока отец плавал, они с Чернышом вдоволь резвились в воде. Он становился видным, красивым и сильным.

Незаметно и лето стало скатываться за желтеющие леса. Потом наступила зима. Сколько радости было у Черныша при виде первого снега. Он резвился вместе с ребятами, азартно бегал за сороками, что зачастую из лесу в деревню и все ближе и ближе подлетали к жилью, чтобы чем-нибудь поживиться. К весне Черныша было не узнать. За зиму он возмужал и стал чем-то походить на сильного матерого волка. А вот сердце оставалось добрым, как у того ласкового щенка.

После праздника Победы у отца сильно разболелись раны, и он на две недели слег в районную больницу. Как без него скучал Черныш, он практически ничего не ел, мог подолгу сидеть за оградой и смотреть в ту сторону, куда по дороге увезли отца на председательской машине.

Проблемы с сердцем и ранами оказались гораздо серьезнее, чем предполагали врачи.

К тому же обнаружили затемнение на легком, поэтому лечили и это заболевание.

Так что повалялся солдат снова на больничных койках. Нанес урон бюджету райбольницы, как он сам с грустинкой говорил, аппетит-то был у него завидным, несмотря на болезнь.

Дома Матвей Степанович планировал побыть недельку, покахаться с младшенькой дочкой, которую не видел долгое время, в которой души не чаял, просто дышал ею. Черныш в отсутствие отца был постоянно с Витькой, теперь же парнишку словно и не замечал. От отца не отходил ни на шаг. Ольга по рецепту соседки сделала для мужа какую-то мазь и два-три раза в сутки смазывала ею раны Матвея. Было тепло, и Ольга часто проделывала эту процедуру во дворе. Матвей снимал рубашку, жена обрабатывала раны, и муж потом сидел и подолгу наслаждался теплом.

Однажды, после очередной такой процедуры, Матвей, разморившись на солнышке, уснул на крыльчке, приклонив голову к пристрою. Как рассказывала потом всем Ольга, что случайно все это увидела, Черныш, подойдя к спящему мужу, стал слизывать с раны выделяющуюся прозрачную жидкость. Слизывал, тряс и крутил головой, фыркал и снова энергично слизывал. Продолжалось это минут пять. Потом он выбежал вон из ограды. Ольга поведала о том, что видела, мужу и соседу деду Трофиму, что подошел покурить с Матвеем. Дед выслушал Ольгу и сказал:

— Ты, девка, давай-ка мажь раны не мазью этой, а попервости сметанкой али еще чем скуسنеньким. Пусть псина-то почаще лижет раны. А уже опосля можно и снадобьем твоим. На языке-то у собак много полезительного. Ведь они сами себя врачуют. Вспомните, какие раны были у мово Верного, после драки с кобелями. Ить выходил сам себя, все зализал, как заштопал. Помолчав, дед продолжал:

— А сейчас Черныш бегаёт травку искать, каку ему надо. Найдет, пожует и сам очистится к тому же. Ольга с Матвеем вроде как с недоверием отнеслись к словам соседа, но согласились все исполнить в точности.

Черныш вскоре прибежал домой, был он необычно спокоен и виновато смотрел на Матвея, лежал у его ног, иногда склонял голову на его колени.

На следующий день Ольга все сделала по совету старика. Матвей снова вышел и сел на крыльцо. Ольга смазала места вокруг ран свежей сметаной. Матвей, шутя дал команду Чернышу:

— Ну что, друг, лечи солдата.— А сам откинулся немного на стенку.

Черныш смело подошел к хозяину и стал слизывать не сметану, а стал лизать раны. Он старательно вылизывал основную рану под сердцем и делал это с усердием.

Так продолжалось несколько дней. После каждой такой процедуры Черныш убежал из дому. Возвращался всегда неожиданно, был всегда тихим, подавленным.

Что помогло тогда Матвею? Уход и мази жены или «врачевания» четвероногого друга? Один бог знает. Но раны перестали кровить, отцу заметно полегчало. Вскоре он снова вышел на работу. И, как прежде, Черныш был всегда и везде с ним.

Ушли они из жизни практически одновременно. Произошло это года через три после собачьего врачевания.

Был разгар сенокосной страды. За неделю перед этим отец стал жаловаться на сердце, ему постоянно не хватало воздуха, в груди давило. Его увезли в больницу, там провели обследование, поставили уколы. Но помещать на стационарное лечение не стали, так как в корпусе делали ремонт, везде пахло краской. Предложили Матвею подлечиться с недельку в области в кардиологическом отделении, но отец тогда наотрез отказался, сказав, что вроде как стало получше. Ему выписали лекарства и отправили домой с условием, что через неделю он непременно приедет на полное обследование и лечение.

Утрами, по холодку, он старался что-то делать: отбивал литовки, насаживал новые вилы, ремонтировал деревянные грабли для покоса, одним словом занимал себя, старался быть полезным. А днем в самый жар уходил в пристрой к бане, где у него был топчан, и подолгу лежал, закрыв глаза, или иногда читал.

В тот трагический день все с утра поехали на покос, надо было закончить копнить подсохшее сено. Работы артелью было немного, к обеду домашние обещали вернуться. Младшую Дашеньку завезли к бабушке, что жила на берегу озера на другом конце села. Матвея оставили одного на хозяйстве, с условием, что ника-

кой работы он до приезда делать не будет, единственное — к обеду подтопить баньку. На этот раз и Черныш увязался со всеми.

Работа на покосе спорилась, все трудились с охотой, часто слышен был смех, ребята отпускали шутки. Ольга иногда поругивала старших и своего брата, чтобы не торопились и делали работу на совесть. Погода стояла замечательная, обдувал легкий ветерок, и копны на их покосе росли как грибы. Черныш иногда срывался за сороками, с веселым лаем бегал за бабочками и стрекозами. Вволю набегавшись, лежал в тени. Работы уже оставалось немного, у молодежи было хорошее настроение — скоро домой, а там на озеро. Вдруг Черныш залаял, потом подбежал к Ольге и стал лаять еще сильнее и громче. Он несколько раз отбежал от нее, потом снова возвращался и продолжал лаять. Потом сорвался с места и стремительно побежал с покоса в сторону села. Ольга сердцем почувствовала, что дома неладно. Она опустила на сено и выдохнула:

— Матвей! Ребята, что-то с отцом!

Виктор Матвеевич хорошо помнит, как старшие торопливо стали запрягать лошадь, побросав весь инструмент под кусты. Как гнали лошадь, как быстро доехали до села, благо оно было недалеко. Мать и Витька тогда прыгнули с телеги, не доезжая дома и побежали. Уже приближаясь к дому, они услышали вой Черныша, и Витьке стало не по себе. Вбежав за ограду, они увидели на крыльце отца, он сидел на своем любимом месте, прислонившись к дощатой стенке нового пристроя-навеса. Рядом сидел Черныш. Увидев Ольгу с Витькой, он жалобно заскулил, из его собачьих глаз текли слезы. Это были слезы настоящего друга, который уже ни чем не мог помочь своему хозяину. Ольга поняла, Матвей мертв. Не выдержало сердце солдата.

Хоронили отца со всеми почестями. Прибыло много военных из района и области. С районным военным комиссаром приехало несколько солдат с автоматами. Были речи, были прощальные залпы на кладбище. И прощальный вой Черныша, этот вой давил всем на сердце.

После похорон Черныша посадили на привязь. Но он своим жалобным воем разрывал сердца и домашним и соседям. И Ольга попросила Виктора, чтобы он отпустил пса на время. Почувствовав свободу, Черныш стремглав выбежал из ограды. Всем было понятно, собака убежала на кладбище. Вернулся пес дня через два-три. Он вошел в ограду, пошатываясь. Черныш стал худым, сразу лег у крыльечка, где обычно сидел Матвей. Пес ни к чему не притрагивался, что бы ему не предлагали. Однажды утром его снова не стало на привычном месте у крыльца, не было и в будке. Но он приходил, а утрами снова убежал.

А потом Черныш не пришел совсем. Нашли его тогда на могиле отца. Пес был мертв. С тяжелым чувством еще одной утраты похоронили они любимого Черныша в лесочке, что рядом с кладбищем. Сильно плакали тогда все родные над его холмиком. Оборвалась нить, что связывала их с отцом и мужем.

Занемело тогда сердце у парнишки — сразу две потери, два горя. Долго не отходило, осталось все это в памяти на всю его жизнь. С той поры Виктор Матвеевич никогда не держал собак. Не может. Страшно трудно терять настоящих и преданных друзей, таких, каким был для их семьи Черныш.